КУМИРЫ

Виктор ГАЛАНТЕР

Я и то вас люблю

Вы делите свою славу на периоды по степени интенсивно-- У меня нет вре-

мени особенно часто задумываться о собственной славе. Я работаю. Можно сказать, делаю работу целого института: три огромных тома «Десять веков русской

— А вам приходится задумываться над таким сакраментальным вопросом: мое место в поэзии там-то и там-то?

- Время все расставит по местам. Я знаю, что я нужен, что меня ждут люди. Мне грех обижаться или жаловаться. Клевета и сплетни, которые я получал, мелочи по сравнению с той любовью, которая выпала на мою долю. Знаете, как непросто было, например, провести мой вечер в Кремле? За мной нет спонсоровкапиталистов, как раньше не было но-менклатуры. Мне помогли переполнившие зал шесть с половиной тысяч небогатых, но все-таки купивших билеты, незнаменитых читателей моих стихов: но зато они знамениты в моей душе. Они мои тайные соавторы.

Кстати, о номенклатуре. «Они» не пробовали договориться с вами «по-хоро-

— Пробовали. Когда политуправление армии запретило к исполнению мою песню «Хотят ли русские войны?» как якобы «морально демобилизующую нашу армию» — не самый худший человек, член Политбюро Екатерина Алексеевна Фурцева позвонила в Радиокомитет и приказала: «Ставить! Евтушенко не уйдет от меня, пока не услышит песню в эфире». В ней оставалось что-то от отчаянной рабочей девчонки с Трехгорки. Но как человек своего клана однажды она мне сказала: «Женя, я вас не понимаю. Все вас знают, любят. Я и то вас люблю. Но почему вы все время чем-то недовольны? Некоторые даже считают вас несоветским человеком». Я помню, что я тогда ответил: «Стихи я пишу либо от любви, либо от

- В ваших стихах, Евгений Александрович, присутствует определенный учитель-

(Холодно) Ну и что? — Не ищите в моих словах иронии. Вы, видимо, думали, что можете изменить чело-

века в лучшую сторону? — Это и случилось. Я только что прие-хал из Одессы — был в реабилитационном центре, где занимаются «безнаде ными» случаями детского церебрального паралича. Врачи там добиваются феноменальных результатов. И вот они наградили меня знаком «Ангел милосердия» под номером 11. Я знал, что этот знак очень симпатичная скульптура — дается только тем людям, которое внесли самый существенный вклад в строительство центра, его финансирование... «А мне-то за что?» - интересуюсь. «У вас есть время, Евгений Александрович?» — спрашивает один из врачей. «Я вообще никуда не спешу», — отвечаю. И он начал читать мои стихи, в том числе и те, которые я сам за-был. Читает час, другой... «И что это объясняет?» — спрашиваю. И тогда он говорит: «Вы построили нас, а мы построили этот центр».

Мое сердце моя часовня

- Такой не очень юбилейный вопрос. Испытываете ли вы чувство вины перед кем-либо или чем-либо?

- Что за человек без чувства вины? Еще Достоевский говорил: «Все виноваты

во всем». О женщинах я когда-то написал так: «Любая женщина вина,/дар без возможности отдарка». Не случайно о женщинах говорят: женщина отдается мужчине. Не только физически, но и психологически – без остатка. А мужчина? «Неплохо было бы отдаться вон той длинноногой!» Это цинизм, если не сказать больше! Поэтому даже самому замечательному мужчине тяжело соответствовать уровню любви женщины.

Вина есть всегда — перед женщиной, перед близкими, перед недодуманной строчкой... Однажды мы были с сыном в Сикстинской капелле, и он спросил меня: папа, а что это там за люди спихивают других дядь, которые лезут наверх из пламени? Я отвечаю: это грешники из ада рвутся. А ты, папа, где будешь — в раю или в аду? Я крепко задумался: в аду - вряд ли, отвечаю, в раю - тоже. Грехи небольшие, но имеются все-таки. Он спрашивает: папа, а что, если кто-то сложит твои маленькие грехи, что тогда? И на этот вопрос я не нашел ответа.

— Вообще, в церковь заходите?

Захожу. Редко. Есть хорошее английское выражение «май соул — май чапэл»: мое сердце - моя часовня. Недавно зашел в переделкинскую церковь: перед «Троицей» весь пол был покрыт свежескошенным сеном — я никогда такого не видел! А запах сена у меня с подросткового возраста ассоциируется с первыми поцелуями где-нибудь в стогу. Это было замечательно! Я однажды даже шутливо сымпровизировал: «Как я хочу, чтобы в стогу/ меня хотя бы раз, но обня-ла игуменья». У совсем нестарой еще матушки, кстати сказать, бывшей комсомолки, нашлось, слава богу, чувство юмора, и она, смеясь, обняла меня и по-

- «Женщинам поэты любы». Вы удовлетворены степенью женского внимания к

— Женщины тоньше понимают стихи. Еще Пастернак говорил: у настоящих мужчин есть что-то от материнской нежности. Меня никогда не предавали женщины. (Я не имею в виду мещанский смысл этого слова.) Отдалялись

но не предавали. Не было такого случая! А мужчины — да.

Чтобы понравиться женщине, бывает, что вы читаете ей свои стихи?

двух концах. Лет в пятнадцать я был влюблен в одну приезжую артистку, которая пыталась поступить в московский театр. Она очень любила слушать мои стихи. Когда я читал, она вся... воспаряла. И меня это начало обижать: мол, не я ей нравлюсь, а мои стихи. Тогда я написал такое стихотворение: «Я не хочу, чтоб так было:/чтобы ты не меня полюбила,/а

только мои стихи./И порой мне хочется в горе/позабыть все песни свои./И бросить стихи эти в море,/как ключи от твоей любви». И тут она сказала мне в ответ абсолютно правильную вещь: «Женя, я не понимаю, а разве твои стихи — это не ты сам?»

В этом специфика поэзии: больше всего любят тех поэтов, которые идут на риск исповеди. В этом смысле феноменален Есенин, больше, чем поэт — орган природы. Луконин когда-то сказал: «У поэтов сердца должны прорисовываться под пиджаками». Это точно. Почему автора дивной поэмы о Теркине Твардовского стали меньше читать? Потому что мы совсем ничего не знаем о его интимной жизни: у него нет ни одного стихотворения о любви!

Слюбимыми не расставайтесь

ситуации, которые, что называется, перевернули вашу жизнь? Каж-

Были

дая любовь переворачивала. Когда любовь кончается... Хотя ни одна моя любовь не кончена, они все живут во мне. Я не понимаю, что такое, например, «любовь-ненависть». Просто у любви есть разные стадии: страсть,

— И на какой стадии вы расставались со своими люби-

- «С любимыми не расставайтесь»... Лучше не рас-ставаться. С другой стороны, я не поссорился ни с одной из них. У меня нет ни к кому из них враждебных чувств. И я могу поклясться, что ни у одной из них нет враждебных чувств ко мне. Ведь Белла же написала свое совершенно дивное стихотворение «Сон» обо мне, когда мы развелись. Она приходила на две мои следующие свадьбы. Один раз даже пришла с фартучком за три часа — салаты ре-

Разводы переворачивали жизнь. Ведь это тяжелая, кровавая вещь... С Беллой мы мало прожили - были еще очень молоды. А с Галей я прожил довольно много, развод с ней я переживал тягостно... Чужие любви и дружбы разрушают те, кто не умеет любить и дружить

Вы хотите сказать, что ваши браки

Всегда есть эти самые третьи лица, посягающие на чужое счастье. Они ка-

Это недавно написанное и еще нигде не опубликованное стихотворение читателям «Вечерней Москвы»:

ОБНИМАЮ ДЕРЕВЬЯ

Я с детства — смешной обниматель: обнимал я и маму, и бабушек —

Троицу-Богоматерь.

Обнимал своих дедушек в 37-м при аресте,

с моими слезами на лацканах вместе. от которого пахло духами не мамиными,

и наследство его приумножил ерехами немаленькими.

Но когда обнимаю я женщину, снова краснею,

ибо, как в первый раз,

я не знаю, что делать мне с нею. Я себе напридумывал много дурацких занятий. У жены тоже заняты руки.

Ей не до объятий. Но недавно,

разгвазданный вдрызг сам собою в запарке еле плелся я в парке, не в силах бежать, как верблюд в зоопарке.

И какое-то нечто толкнуло меня к вековечному дубу,

и ему я по-детски шепнул что-то вроде: «Я больше ну буду...

Мое сердце ослабло на треть, но оно ведь еще не пустое.

Не позволь мне пока умереть...

Я еще умереть недостоин.!» И я, майку задрав,

сердцем вэкался в извилины мудрой коры

и в царапающую шероховатость,

могуче добры, внутрь вобрали мою виноватость. Мне вошло что-то внутрь и мгновенно исчезла одышка.

собственный внук,

обнявшийся с жизнью мальчишка. Я навек обниматель опять!

избавленному от старенья, есть всегда, что обиять.

Ну, хотя бы деревья! Я к любви продираюсь, как будто в тумане,

сквозь непониманье,

сквозь обман на обмане, безлюбье и безобниманье.

как всех неразлюбленных мною любимых. как будто друзей моих невозвратимых.

Обнимаю деревья, как будто врачей, принимавших детей моих роды,

2003

а теперь принимающих новые роды меня! Обнимаю все в мире народы!

Обнимаю сибирские сосны, платаны,

секвойи и баобабы. Ты с другой стороны обнимать их, наверно, смогла

чтоб сомкнули мы руки, а в этом — такая свобода! чтобы знать мы не знали,

где мы, где — природа.

— Когда Иван Иванович Иванов, сто-

— Вот я о чем и говорю. Кстати, следую-

А так, чтобы от печали напиваться? сал совершенно невинную реалистическую «Автобиографию», меня называли предателем Родины. Обо мне писали: это уже не хлестаковщина — это стаховщина! То есть сравнивали меня с предателем «Молодой гвардии». И вот тогда вдруг против меня выступил Юра Гагарин, с которым мы подружились на Кубе (я когданибудь опишу наши совместные кубинские приключения). Мол, молодой поэт Евтушенко в своей «Автобиографии» хвастается тем, что до сих пор не знает происхождения электричества! Потом он мне сам рассказывал: к нему подошел академик Капица и говорит: хочу вас поздравить с великим открытием, я сам всю жизнь пытаюсь разгадать природу происхождения электричества! Поделитесь с человечеством, если вам это удалось!

Так вот, Юра мне рассказал: ему просто дали в руки эту речь, он впервые заглянул в нее уже на трибуне... и увидел там мою фамилию. Ему было не по себе, потому что он нарушил принцип «не бей лежачего». И, понимая, что я в очень тяжелом положении, он пригласил меня в Звездный городок, чтобы я прочел отрывок из «Братской ГЭС». Я очень волновался, потому что мне запретили все выступления

потом сказала мне с особенной женской шелестящей интонацией: «Он все такой же... Тридцать лет назад мой будущий муж взял меня его стихами». Так и сказала: взял. На этой неделе ему исполнится... а сколько— он об этом не любит говорить и предпочитает ставить на афишах «Юбилейный вечер в честь ...-летия».

Наши книги – рядом

— Вы сожалеете об утраченных дружбах? - Если я каких-то

Евгений ЕВТУШЕНКО:

Стихи я пишу либо от любви,

либо от стыда

друзей и потерял, то я все равно с ними дружу. Никогда не сможет воскреснуть моя дружба с Вознесенским после того, что он позволил себе говорить обо мне в пос-

ледние годы по совершенно неизвестным мне причинам. Но каковы бы ни были наши взаимоотношения, наши книжки будут стоять на полке рядом. Книжки в отличие от писателей не кусаются. Кстати, совсем недавно я прочел новое, очень сильное и пронзительное после многих его неудач — стихотворение Вознесенского: то, где он просит у Бога хотя бы десять лет. Мощные трагические стихи! А что до «писательских подкусываний», то малоприятно, что многих людей интересует именно это.

— А это потому что есть люди маленькие — их много, и дюди большие, знаменитые, как вы с Вознесенским, — их мало. И маленькие интересуются перипетиями жизни

рож зоосада, напьется и будет лежать в луже, люди будут переступать через этого Ивана Иванова и никому не будет до него дела. А если Евтушенко выпьет бокал

щий вопрос. Считается, что непьющий писатель — все равно что эстетствующий тракторист. «Проблема алкоголя» когда-либо в вашей жизни принимала обостренные

- Когда я был молод, то старался казаться старше. А тогда пили водку, вино почти не пили. Я начал печататься, когда мне было пятнадцать лет, за первое стихотворение, опубликованное в «Советском спорте», я получил 350 рублей. А бутылка шампанского в ресторане тогда стоила 12 рублей. В те времена на стихи можно было жить! И я старался молодечествовать, мог выпить очень много. А потом заметил: водка убивает память. И просто перестал ее пить. К тому же нашлись люди, которые открыли мне сухое вино. Тогда было божественное грузин-

— После того как в начале 60-х я напи-

- а ведь я люблю выступать. Вел программу Левитан. Вдруг он подошел ко мне, совершенно мрачный: «Женя, вы простите меня, но ваше выступление запрещено». И я сел в свою машину — помню, лил ужасный дождь — и приехал в Дом литераторов. И там... выпил. Водки. Обида была непереносимая. Но, как выяснилось, Юра здесь был ни при чем. Оказывается, «космический» генерал Миронов (он потом разбился о гору в Югославии) увидел меня в просвете кулис. Спрашивает Гагарина: «А что тут делает Евтушенко?» — «Его пригласил я, как командир отряда космонавтов.» — «Ты что, с ума сошел? Ты хозяин в космосе, а не на Земле!»

Во дает!

- В вашей жизни, как и у всех, случались, наверное, периоды, скажем так, финансовой несостоятельности. Это было для вас драмой?

— (Лукаво) Не-а. Я могу тратить много и могу жить на маленькие деньги. Когда после выхода «Автобиографии» мои книги были приостановлены, прошел слух: «Евтушенко бедствует». Что не вполне соответствовало действительности. И отовсюду мне стали слать деньги: рабочие бригады, студенты, учителя... разные люди из разных концов страны. Я все отправлял обратно. За исключением трешки от одной девочки из Крыма. Она уже меня читала. Ее мать-одиночка, медсестра, давала девочке на кино и на мороженое -

оставил и повесил в рамочке над письменным столом. Евгений Александрович, вы всегда отличались не только талантом, но и неординарным внешним видом. Концертные пид-

по трешке раз в месяц. И вот эту трешку я

жаки сами себе покупаете? — (Решительно) Сам. Это мой стиль, к которому люди привыкли. Это такая запоздалая компенсация за тусклые тона летства: безралостные черный, серый, хаки... Так что я как бы добавляю ту разноцветность мира, которая была потеряна. Вот эти рубашку и кепку *(см. фото. –* **В.Г.)** я «сочинил» сам: нашел в магазине материал, придумал дизайн.

— Если бы вам предложили повесить на стену фотографию — только одну, чья бы это была фотография?

У меня висит на стене такая фото-

графия (кажется, еще с 1966 года), я не знаю даже ее автора. Коррида, умирающий бык на арене, «смазанная» публика на трибунах, тореро, преисполненный радости от победы. А мимо идет человек, весь в черном - один из помощников тореадора. В руке у него нож: чтобы, если бык начнет биться в конвульсиях, закончить все разом. В этом сюжете вся жизнь

- Есть в вашей жизни вещи более важные, чем творчество?

- (После паузы) Главное — это совесть. Мне остается только пожимать плечами, когда на мою формулу «Поэт в России больше, чем поэт» идут нападки со всех сторон. В Одессе я сидел на Потемкинской лестнице и наблюдал за выпускниками. Чудесные ребята! Спрашиваю: вы такие счастливые, потому что школу закончили? Нет! Мы только что вернулись из-за границы! Где были? В Бельгии, Люксембурге... в Париже... Я спросил: «Ребята, а вы знаете, что такое выездная комиссия?» Никто и слыхом не слыхивал. Мне было это приятно слышать. Потому что, когда я стал депутатом, именно я внес предложение об упразднении выездных комиссий... Русские сейчас — везде. Я встретил на развалинах Помпеи воронежских девчат, приехавших на какихто обшарпанных автобусах. Но они были счастливы: мы видели Помпею! А когдато меня вышвырнули из поезда в Италию (я ехал на Олимпийские игры), другой раз - из самолета...

- Молодые люди вас узнают на улице? - Конечно. Я все-таки оказался пророком в стихотворении «Памяти Окуд-жавы»: «В девятидесятников не верю,/верю в девяностиков своих!» Они уже не читают... Виктора Ерофеева, как их предшественники, — они тоскуют по идеалу. Миша Задорнов (он был «соведущим» на моем вечере в Кремле) рассказал забавную историю. К нему после вечера подошла девчушка лет семнадцати - типа пэтэушница: «Ой, Михал Николаевич, я пришла на концерт в Кремль ради вас, кто такой Евтушенко вообще не знала. Но он, оказывается, та-акой прикольный дед! Я пошла на следующий день в магазин и купила его книжки: во дает!»

Поклонники Евгения Евтушенко, новые и старые, могут встретиться с любимым по-этом в день его рождения, 18 июля, в Большой аудитории Политехнического музея. С музеем у Евтушенко контракт до 2019 года: свои дни рождения он отмечает только здесь. По секрету: Е.А. будет не только читать (кстати, вместе с тремя своими сыновьями), но и петь. Ожидается сенсация: в дуэте с поэтом споет... Впрочем, увидите сами.